

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВАРЯЖСКИЙ ВОПРОС

В статье рассматривается одна из наиболее сложных проблем в русской историографии: роль варягов в становлении Киевской Руси и происхождение русов. На основе широкого круга источников автор предлагает свое видение спорных вопросов.

Древнерусская цивилизация складывается в течение X столетия [1, с. 75, 76]. Вехами в ее создании являются: а) поход Вещего Олега на Киев и образование здесь киевской городской общины (Русской земли) – 882 год по летописной хронологии; б) походы киевской дружины на славянские племена и освоение Киевом восточнославянских земель – конец IX – X век; в) крещение Руси князем Владимиром – 988 год.

Согласно летописи этому предшествовало призвание варягов ильменскими словенями и их соседями. Легенда о приглашении Рюрика на княжение в Новгород или Ладогу породила множество вопросов. Известно, что сообщение «Повести временных лет» во многом совпадает с рядом европейских сказаний о начале династии или государства [2, с. 49]. Текст древнерусской повести особенно близок англо-саксонской традиции: рассказу Видукинда Корвейского о приглашении саксов бриттами* (X век) и «Церковной истории англо» Бэды Достопочтенного (VIII век)**. И.Н. Данилевский полагает, что речь следует вести о каком-то общем для этих сказаний литературном источнике [3, с. 42]. По его мнению, это мог быть текст третьего стиха 111 псалма***. Иную библейскую параллель летописному рассказу находил Г.М. Барац [4, с. 108]. С его точки зрения, в основе летописи лежит текст I Книги Царств****. Как бы то ни было, вывод здесь

напрашивается один: легенда о призвании варягов – плод литературного творчества, основанный на книжной традиции. И.Н. Данилевский, возможно, прав: для «летописца Священная история – вневременная и постоянно... переживаемая в реальных, «сегодняшних» событиях ценность» [5, с. 79] и потому он действительно описывал увиденное или услышанное им «через прямое или опосредованное цитирование Библии» [5, с. 79]. Только это совсем не значит, что никаких варягов не было и они являются чистым вымыслом, и вопрос – а был ли Рюрик? – никак не решает. Излагая свою версию событий о появлении русов в землях восточных славян, летописец должен был опираться на общеизвестные факты. Он мог домыслить детали, чтобы привести события русской истории в соответствие с библейским прототипом, но не более того. Как отмечает И.Н. Данилевский, «летописец, видимо, стремился... не столько точно описать конкретное событие, сколько передать *смысл* легендарного призвания Рюрика с братьями» [3, с. 43]. «Судя по образной системе, – пишет он, – которой пользовался автор летописи, призвание варягов для него было связано с первыми шагами к обретению *правды* – истинной веры, Слова Божия» [3, с. 43]. Вместе с тем цель летописца имеет и вполне явные, открытые черты. Согласно его собственному заявлению в начале «Повести», рассказ

* «И вот, когда распространилась молва о победоносных деяниях саксов, [жители Британии] послали к ним смиренное посольство с просьбой о помощи. И послы [из Британии], прибывшие к саксам, заявили: «Благородные саксы, несчастные бритты, изнуренные постоянными вторжениями врагов ... послали нас к вам с просьбой не оставить [бриттов] без помощи. Обширную, бескрайнюю свою страну, изобилующую разными благами, [бритты] готовы вручить вашей власти...». (Цит. по кн.: Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–X вв.). С. 42.)

** «... Получив от короля приглашение, племя англо, или саксов, отправляется на трех кораблях в Британию и занимает для стоянки место в восточной части острова по приказу того же короля, как бы собираясь сражаться за родину, а на самом деле – для ее завоевания... Говорят, что их предводителями были два брата, Хенгест и Хорса; Хорса позднее был убит на войне с бриттами, и в восточной части Кента до сих пор есть памятник в его честь» (Цит. по кн.: Мельникова Е. А. Меч и лира: Англосаксонское общество в истории и эпосе. М.: «Мысль», 1987. С. 8.)

*** «Блажен муж, боящийся Господа и крепко любящий заповеди Его. Сильно будет на земле семя его; род правых благословится. Обилие и богатство в доме его, и правда его пребывает вовек. Во тьме восходит свет правым». (Пс. 111: 1–4.)

**** «И собралась все старейшины Израиля, и пришли к Самуилу в Раму, и сказали ему: вот, ты состарился, а сыновья твои не ходят путями твоими; итак поставь над нами царя, чтобы он судил нас, как у прочих народов». (1 Цар. 8: 4–5.)

должен был показать «откуда есть пошла русская земля» [17, стб. 1].

Если летописец о появлении варягов и в самом деле думал меньше всего, то что же в его рассказе отражает факт, а что смысл, вкладываемый в него? Думаю, только так поставленный вопрос позволит решить проблему достоверности летописной легенды. Рассуждая в рамках идейной борьбы норманизма и антинорманизма, историки не могли смотреть на эту проблему трезво и высказывали самые разные, порою противоположные мнения. М.Н. Покровский писал, что «весь рассказ, несомненно, стилизован, и настолько, что разглядеть его историческую основу почти невозможно» [6, с. 75]. С.В. Юшков полагал, что рассказ летописца сплошь легендарен и в нем трудно отделить правду от вымысла [7, с. 29, 67]. Примерно так же думал и Д.С. Лихачев [8, с. 159–160]. Б.А. Рыбаков, соглашаясь с тем, что историческая правда в летописном предании тесно переплетена с вымыслом, признавал реальность Рюрика, но сомневался в существовании его братьев: Синеуса и Трувора. Не подлежат сомнению, по его мнению, норманнские набеги на славян в конце IX и в X веке [9, с. 37.; 10, с. 298–300]. А.Н. Кирпичников, И.В. Дубов и Г.С. Лебедев считают летописное сказание о призвании варягов вполне достоверным источником [11, с. 193]. «Призвание «князя из-за моря», по мнению Г.С. Лебедева, было хорошо рассчитанной политической акцией» [12, с. 212]. В самом ее факте у него сомнений нет. Г.С. Лебедев допускает лишь легендарность братьев Рюрика. Б.Д. Греков верным признавал факт найма новгородцами варяжских вспомогательных отрядов [13, с. 452]. Близки к его мнению В.В. Мавродин и И.Я. Фроянов [14, с. 791]. «Призвание», думается, было, – пишет И.Я. Фроянов, – но не на княжение, а для помощи в войне, и не трех мифических братьев, а одного варяжского конунга с дружиной» [14, с. 805]. Опираясь на поздние источники, он считает возможным говорить и более детально: «Военная помощь, оказан-

ная варягами новгородцам, была, очевидно, ...эффективной» и побудила Рюрика совершить своего рода «государственный переворот», «сопровожденный истреблением славянских князей и знатных людей» [14, с. 806]. И.Я. Фроянов имеет в виду некоего Вадима, о котором говорится в Никоновской летописи: «Того же лета уби Рюрик Вадима Храброго, и ших многих изби новгородцев съветников его» [15, с. 9].

На мой взгляд, под сомнение можно поставить не только факт призвания варягов «княжить и владеть», но и трактовку его как приглашения наемников для обороны от других варягов. Последнее даже менее вероятно в силу того, что о призвании на княжение прямо говорится в летописи, а о призвании в качестве наемников нигде не сообщается. Это не факт, а всего лишь предположение историков, основанное главным образом на недоверии летописцу.

Не вполне обоснованным мне кажется и отрицание историчности братьев Рюрика: Синеуса и Трувора. Если летописец действительно переводил сагу о походах на славян какого-то скандинавского конунга или, как считает Н.Н. Гринев, договор о призвании (актовый документ, написанный на древнешведском языке старшими рунами*), почему в летописи больше нет никаких следов этого «древнешведского документа»? Странно и то, что русский книжник больше не сделал никаких ошибок. Получается, плохо разбираясь в чужом языке, он не мог понять только одну простую фразу и, если речь идет о договоре, вполне стандартную формулу. Неужели летописец намеренно разлучил Рюрика с его «родом» (*sine hus*) и «верной дружиной» (*thru varing*), посадив его одного в Новгороде, а всю родню и друзей в иных городах, превратив их в братьев? Вряд ли все это можно объяснить без очевидных натяжек. Если летописец сознательно выдумывал, то для этого вовсе не нужно заниматься переводами с иностранного документа, ради того, чтобы только взять оттуда всего одну фразу. Вся эта история с подменой в лучшем

*Именно такие условия оговаривает Н.Н. Гринев, предполагая неверное прочтение древнешведского «*sine hus*» и «*thru varing*» как Синеус и Трувор. (Гринев Н.Н. Легенда о призвании варяжских князей // История и культура древнерусского города. М.: Изд-во Московского ун-та, 1989. С. 37)

случае – досадное недоразумение, в худшем – сознательный обман. Автором этой знаменитой подмены является один из основателей норманизма И.Г. Байер [16, с. 12]. «Sine hus» и «Синеус», «thru varing» и «Трувор» – это созвучия, похожие на те, что практикует в своих печально известных трудах А.Т. Фоменко**. Как отмечают Е.А. Мельникова и В.Я. Петрухин, подобное истолкование имен братьев не соответствует морфологии и синтаксису древнешведского языка и прямо противоречит всему, что известно о языковых связях Древней Руси и Скандинавии [2, с. 54].

Рюрик, Синеус и Трувор есть не только в русской книжной легенде, но и в немецком устном предании, вошедшем в научный оборот благодаря Владимиру Чивилихину***. Все трое вполне могли быть историческими личностями, хотя и не обязательно братьями. В XII веке, когда русский книжник писал свою летопись, имена Рюрика, Синеуса и Трувора должны были знать многие, иначе зачем о них вспоминать, коль вскоре они умерли и никакой роли в русской истории не сыграли. Впрочем, однозначно об этом говорить трудно. Более или менее уверенно можно утверждать только то, что русы были **находниками**, т. е. людьми, пришедшими в земли, где уже жили славяне. Русский летописец, предлагая свою версию событий, ссылаясь на это, как на общеизвестный факт. Реальные события отражают, видимо, и те места в рассказе летописца, которые служат для него фоном:

«Изгнаша Варяги за море и не даша имъ дани» – варяги напали на славян и собирали с них дань.

«...и быша в них [славян] усобице и воевати почаша сами на ся» – между славянскими племенами была вражда [17, стб. 19].

Только опираясь на эти три факта, летописец мог вписывать книжный, возможно библейский, сюжет в русло реальных событий.

Данные сведения русской летописи подтверждаются более ранними зарубежными

источниками. Арабский ученый начала X века Ибн Русте сообщает, что русы живут на острове, окруженном озером. На кораблях они совершают набеги на славян и другие народы, «берут их в плен и везут на продажу в Хазарию и Волжскую Булгарию» [18, с. 209]. Труд Ибн Русте «Дорогие ценности», в котором содержатся эти сведения, датируется 903 – 913 годами, а его данные отражают ситуацию IX или даже VIII века [19, с. 308]. Арабский географ IX века Ибн Хордадбех упоминает славянских рабов, которые служат переводчиками русам [20, с. 384–385]. У Константина Багрянородного славяне – пактиоты росов. Слово «пактиот» чаще всего в греческих источниках означает «данник», иногда «союзник» [21, с. 316]. Славяне, согласно сообщению Константина Багрянородного, «кормили» росов, разъезжавших от одного племени к другому целых полгода – с ноября по апрель. Называлась такая поездка **полюдьем**.

Историки чаще всего не отличают полюдь от дани. Однако некоторые исследователи, пусть и не всегда последовательно, разграничивают эти два понятия (М.Д. Приселков, В.В. Мавродин, Б.А. Рыбаков, В.И. Горемыкина и другие.) [22, с. 451 – 453]. И.Я. Фроянов однозначно трактует полюдь и дань как совершенно разные явления. «Можно думать, – пишет И.Я. Фроянов, – что полюдь давали «свои люди», а дань «чужие» или по происхождению «чужие», как, например, древнерусские смерды» [22, с. 459].

Первое упоминание полюдья содержится в отмеченном выше труде Константина Багрянородного. В древнерусских источниках оно встречается относительно поздно: в Жалованной грамоте Мстислава Владимировича Юрьеву монастырю, датируемой 1130 годом; Грамоте Ростислава Смоленской епископии, также XII века [22, с. 457] и в Лаврентьевской летописи под 1190 годом. В них дань и полюдь явно отличаются друг

** Имя монгольского хана Батия, например, возводится к слову «батьа», Мамай – «мамин» и т. п. (Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков. С. 306)

*** Ссылаясь на «Северные письма» К. Мармье, В. Чивилихин приводит легенду, бытовавшую в XIX веке в Мекленбурге. «...В VIII веке нашей эры племенем ободритов (в подлиннике Obotrites, то есть ободритов, бодричей, рарогов...) управлял король по имени Годлав (Godlav), отец трех юношей... Первый звался Рюриком (Rurik-paisible, то есть «тихим»...); второй Сиваром (Siwarvictorieux – «победоносным»), третий Труваром (Truwar-fidele – «верным»). [...] После многих благих деяний и страшных боев братья... пришли в Россию (в подлиннике en Russie...) ...». (Чивилихин В.А. Память. М.: Вече, 1994. Т. 2. С. 419.) Далее идет текст, в общих чертах совпадающий с русской летописью.

от друга. В Жалованной грамоте 1130 года Мстислав Владимирович велит своему сыну Всеволоду отдать монастырю село Буице с **данью**, вирами и продажами и дополнительно **осеннее полюдь даровное** [23, №81. с. 140]. Князь Ростислав выделял Смоленской епископии десятину от всех **даней** смоленских, исключая продажи, виры и **полюдь** [24, с. 141]. В Лаврентьевской летописи под 1190 годом упоминается полюдь князя Всеволода по городам Ростово-Суздальской земли [17, стб. 408–409]. Эти данные недвусмысленно говорят в пользу точки зрения И. Я. Фроянова: «Термин «полюдь» означал, во-первых, **объезд** князем как правителем подвластного населения («людей»), сопровождаемый подношениями, а во-вторых, – сами эти **подношения**, или сборы, причем **добровольные**, а не принудительные» (выделено мною. – А.П.) [22, с. 464].

Если у Константина Багрянородного речь идет о полюдь в этом смысле, то выражение «пактиоты росов», употребляемое в отношении славян, могло бы означать «союзники». О том же свидетельствует на первый взгляд и факт продажи лодок: «Славяне же их [росов] пактиоты, а именно криветеины, лендзаники и прочие Славинии – рубят в своих горах монохилы во время зимы и, снарядив их, с наступлением весны ... отправляются в Кию ... и продают росам» [21, с. 45 – 47]. Однако, согласно русской летописи, племена, которые называются здесь пактиотами, платят Киеву **дань**, а не полюдь [17, стб. 24]. Вряд ли можно сомневаться в том, что русский летописец плохо понимал разницу между полюдем и сбором дани. Он-то как раз ее видел хорошо. А вот Константин Багрянородный или его информаторы вполне могли перепутать два схожих по форме, но разных по сути явления. И дань, и полюдь собирались князьями, начиная с осени: «...и *приспе осень [и] нача мыслити на Древляны хотя примыслити большую **дань***» [17, стб. 54]. И то, и другое означало объезд князем подвластных земель («кружение»); и дань, и полюдь выражались в подношениях. Но в одном случае это принудительное изъятие в результате военного нажима, а в другом – дары своего собственного населе-

ния. Если верить русской летописи, а не верить нет оснований, то под пактиотами Константин Багрянородный имел в виду все-таки данников, а не союзников. Поэтому его сообщение, хотя и более позднее, чем рассказ Ибн Русте, стоит с ним в одном ряду.

В ранних источниках русы обычно отделяются от славян. Константин Багрянородный дает двойные названия днепровских порогов, с одной стороны – славянские, с другой – росские. И. Тунманн предложил считать последние скандинавскими по происхождению [21, с. 319]. Многие современные исследователи, в том числе М. В. Бибииков, Е. А. Мельникова, Р. Г. Скрынников, В. Я. Петрухин, И. Н. Данилевский, С. В. Думин, А. А. Турилов [18, с. 97; 3, с. 50; 25, с. 35; 16, с. 13; 21, с. 319–326] и другие признают его точку зрения наиболее вероятной. Действительно, греки, которые хорошо знали славян как минимум с VI века, столкнувшись с росами, увидели в них народ неведомый. Патриарх Фотий писал о росах так: «Народ неименитый, народ несчитаемый... неизвестный, но получивший имя со времени похода против нас... народ, где-то далеко от нас живущий, варварский, кочующий, гордящийся оружием...» [26, с. 268]. Разобравшись, греки поняли, с кем имеют дело. Продолжатель Феофана указывает на франкское, т. е. германское происхождение росов [18, с. 116]. Описывая поход князя Игоря 941 года, он отмечает: «...на десяти тысячах судов приплыли к Константинополю росы, коих именуют также дромитами, происходят же они из племени франков» [27, с. 175]. Согласно Бертинским анналам, в 839 году франкский король Людовик Благочестивый узнал в росах шведов [18, с. 288–289]. Народом норманнов называет русь и «Венецианская хроника» (рубеж X–XI вв.) Иоанна Диякона [18, с. 290–291]. Рассматривая сообщение Ибн Фадлана, который лично наблюдал русов в Булгаре в 921 году, многие исследователи отмечают, что описание внешности русских купцов больше всего роднит их с норманнами. И. Г. Коновалова считает это бесспорным фактом. «Установлено, – пишет она, – что описанная Ибн Фадланом обрядность и внешний вид русов выдают в них скандинавов»

[18, с. 215]. И.Н. Данилевский подчеркивает: «...при всех различиях... русы арабских авторов отличаются от славян территорией проживания и окружающими их народами, одеждой и жилищами, родом занятий и вооружением, титулами своих предводителей и погребальными обрядами» [3, с. 49]. Г.С. Лебедев говорит об этом несколько иначе: «Строгий, детально разработанный ритуал, который обычно сравнивают с описанием похорон «знатного руса» у Ибн Фадлана... является не только развитием, но и **преобразованием** (выделено мною. – А.П.) скандинавских традиций» [12, с. 232]. Имея в виду гнездовские курганы под Смоленском, он отмечает: «...конструкция, размеры, последовательность сооружения насыпи все более сближают ...[их], с памятниками Киева и Чернигова, в которых... нет никаких специфически варяжских черт» [12, с. 232].

Археологические источники IX–X веков в целом подтверждают присутствие скандинавов в землях восточных славян. По данным раскопок Ладоги, они здесь жили с момента возникновения поселка около 750 года [12, с. 211]. На северо-востоке Руси скандинавские материалы впервые появляются, начиная с IX века, достигая наибольшего количества в X столетии [28, с. 43].

Вместе с тем нет никаких оснований отождествлять скандинавский след, выявленный в северных областях обитания восточных славян, именно с русами. Давно замечено, что русы быстро ославились. А.Е. Пресняков полагал, что в X веке они были двуязычными. Главным основанием для такого вывода ему послужило сообщение Константина Багрянородного о славянских и русских названиях днепровских порогов. Кроме того, Пресняков опирался на восточные источники: сведения испанского ученого и купца X века Ибрагима ибн Йакуба и персидского историка XI века Гардизи [19, с. 319–320]. По мнению современных исследователей Е.Г. Галкиной и А.Г. Кузьмина, реальное двуязычие русов, которых они считают по происхождению аланами, сохранялось только в IX веке, а с

начала X-го русы полностью перешли на славянскую речь [29, с. 474].

Данные восточных источников в какой-то мере подтверждают их точку зрения. О рождении русов в славянской среде свидетельствуют данные арабского географа IX века Ибн Хордадбега, уже упоминавшиеся здесь. Русам, напомню, которые отправлялись в Багдад с товарами, переводчиками служили славянские рабы. На этом основании можно допустить, что русы говорили по-славянски или, по крайней мере, понимали славянскую речь. Скорее всего первое, поскольку в сочинении Ибн Хордадбега русские купцы названы **«видом славян»**. В сходном рассказе другого арабского географа, Ибн ал-Факиха, эти купцы вообще обозначены как славянские [20, с. 385]. Сомнения и неоднозначность сведений арабских источников вполне объясняет Ибрагим ибн Йакуб, который упоминает **русов в числе народов, говорящих по-славянски, «так как они смешались со славянами»** [18, с. 215]. Один из путей смешения раскрывает нам Гардизи: «Много людей из славян приходят к русам и служат им, чтобы этой службой обезопасить себя» [19, с. 319].

Бесспорное доказательство принадлежности русов к славянским народам в X веке содержится в договорах Руси с греками 911 и 944 годов. Оба соглашения были составлены на греческом и славянском языках. Славянская сторона называла себя Русью: «*Мы от рода Рускаго*» [17, стб. 46] – говорили послы и ссылались при этом на закон русский, и этот русский закон, как показали исследования, относится к славянскому, а не скандинавскому праву [30, с. 9, 10]. Русь, заключив договор, присягает не по-германски, а опять же по-славянски: «...а *Олга водившее на роту, и мужи его по Русскому закону кляшася оружием своим, и Перуном, богом своим, и Волосом, скотьем богом, и утвердиша мир*» [17, стб. 52]. Б.Д. Греков верно подметил: Русь клянется славянскими богами*. Он подчеркивает: «Оружием клялись тоже не по германскому обычаю, а по своему собственному, снимая с себя оружие, кладя его на зем-

* Еще раньше на это обращал внимание С.М. Соловьев. (Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Русь изначальная. М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2001. Кн. 1. Т. 1 – 2. С. 391.)

лю перед кумирами. Германцы при этом обряде вонзали меч в землю» [13, с. 124]. О.М. Рапов по этому поводу замечает: «Никаких объективных причин в IX в. не существовало, чтобы менять скандинавскую языческую религию [Олегу и варягам] на славянскую языческую религию. Такие примеры вообще не известны истории» [31, с. 118]. «...Тексты договоров 907 – 911 гг., – пишет О.М. Рапов, – свидетельствуют, что «варяжский» князь Олег и «варяжская» знать Руси клянутся перед византийцами не Одином и Тором – скандинавскими богами, а Перуном и Волосом – чисто славянскими божествами... Видимо, ...князья, захватившие власть в Киевском государстве, и их мужи с самого начала являлись **язычниками-славянами** (выделено мною. – А.П.)» [31, с. 118].

Для русского летописца конца XI – начала XII века русь, несомненно, – славянский народ. «...*А Словеньскый языкъ и Роускый одно [есть]*» [17, стб. 28] – пишет он, не смотря на то, что до этого сам же утверждал, русь – это варяги. «...*Сице бо ся звахуть и варязи суть яко се друзии зъвуться свеи, друзии же оурмане... тако и си реша Русь*» [17, стб. 19]. Можно заметить, что летописец, хотя и называет русов варягами, явно отличает их и от шведов, и от норвежцев, и от норманнов вообще, т. е. тех, кого мы привыкли называть варягами. Очевидно, что в Древней Руси, судя по этому тексту, варяги – совсем не обязательно норманны. Летописец считал русов находниками, т. е. не коренными жителями, но и не причислял их к скандинавам или германцам. Поздние западные источники эпохи расцвета Киевской Руси также однозначно относят Русь к славянам. Например, католический священник Гельмольд пишет: «...а южный [берег Балтийского моря] населяют славянские народы, из коих первые от востока руцы (русы)...» [32, с. 767].

Возможно, в X веке русы еще помнили о своем происхождении и субъективно продолжали отделять себя от покоренных славян. Отголоски этого отразились в ранних статьях «Повести временных лет». И даже в XI веке в Русской Правде законодатель все еще делил мужей на русичей и славян, на деле не отли-

чая их друг от друга. Статья первая Правды за убийство и того и другого предписывала уплатить одну и ту же виру – 40 гривен.

По данным археологических источников, для Руси X – XI веков, и то, главным образом в отношении новгородского севера, характерны так называемые «вещи-гибриды», которые могут рассматриваться как результат взаимодействия скандинавской и славянской традиций. Гибридными являются скандинавские погребения и в районе Гнездова и Верхней Волги. Как показали раскопки, многие захоронения здесь совершены «по смешенному обряду со сложным инвентарем», в котором археологи видят различные этнические черты [33, с. 347]. И.В. Дубов отмечает, что погребальный ритуал становится стандартным, но объединяющим в себе разноэтнические черты к середине X столетия [33, с. 49]. В Тимереве, по его словам, процент комплексов со скандинавскими вещами во втор. пол. X века резко падает. В Киеве и Чернигове, согласно Г.С. Лебедеву, в курганах IX – X веков складывается сложная иерархия погребений (монументальные курганы, срубные гробницы, захоронения воинов с конем и оружием), но в них нет никаких специфически варяжских черт [12, с. 232]. По словам В.В. Седова, материалы Шестовицкого могильника под Черниговом содержат некоторое количество вещей скандинавского происхождения, что можно рассматривать как свидетельство сложного этнического состава Черниговской общины. Однако большинство захоронений здесь чисто славянские. В XII веке «скандинавский след» практически уже нигде не прослеживается [12, с. 220].

Необходимо отметить, что скандинавы в виде наемников и купцов в X–XI веках присутствовали на Руси и помимо русов, которых к этому времени можно считать уже бывшими варягами. Варяги стоят отдельно от Руси уже в сообщении об Игоре. После возвращения из похода на греков 941 года «*Игорь же пришедь нача совкупляти вое многи и посла по Варязи многи за море, вабя е на греки*» и далее: «*Игорь же совкупивъ вои многи Варязи, Русь и Поляны, Словени, и Кривичи, и Теверьце, и Печенеги...*» [17, стб. 45]. За

море к варягам обращался Владимир Святославич, когда собирался воевать со своим братом Ярополком [17, стб. 75, 76–78], Ярослав Мудрый – когда готовился воевать с отцом и когда шел на Святополка и Мстислава [17, стб. 130, 141, 148].

Язык и национальная религия являются объективными признаками принадлежности к тому или иному народу. Славянская речь русов, обычаи и боги, в которых они верили, доказывают, что русь в X веке – это славяне. Так, что ко времени проникновения скандинавов (по всей видимости, свеев, т. е. шведов) и в период их наибольшего распространения в землях восточных славян русы, кем бы они ни были до этого, свои прежние национальные черты потеряли.

Таким образом, есть все основания говорить, что **в X веке, когда происходит становление древнерусской цивилизации, русы – один из славянских народов. Русская цивилизация складывается в результате взаимодействия славян с местным населением (в основном**

финнами) и скандинавскими находниками, на фоне военно-торговой активности последних. При этом господствующей силой были, несомненно, славяне. Славянская культура оказалась сильнее всех остальных, она поглотила и растворила в себе как местные, так и пришлые культурные системы. Должен заметить, это не означает, что русская культура – смесь разнородных предшествующих культурных элементов. Русская культура – славянская по своей форме и содержанию. Другое дело, что она вобрала в себя и чужие, неславянские составляющие, но при этом переработала их и превратила в славянские, сделала полностью своими. Викинги и местные охотники (чудь и меря) – носители скандинавских и финских традиций – теряли свои исконные черты, и от их изначальной национальности ничего не оставалось. Они становились славянами, ничем не отличаясь от «природных» славянских людей. В памяти задержались на некоторое время только имена предков, и те были быстро ославянены.

Список использованной литературы:

1. Поляков А.Н. Образование древнерусской цивилизации // Вопросы истории. 2005. №3.
2. Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Легенда о «призвании варягов» и становление древнерусской историографии // Вопросы истории. 1995. №2.
3. Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–X вв.). М.: «Аспект Пресс», 2001.
4. Барац Г.М. О составителях «Повести временных лет» и ее источниках, преимущественно еврейских. Берлин, 1924.
5. Данилевский И.Н. Библия и Повесть временных лет (К проблеме интерпретации летописных текстов) // Отечественная история. 1993. №1.
6. Покровский М.Н. Русская история: В 3 т. СПб.: Полигон, 2002. Т.1.
7. Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949.
8. Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.
9. Рыбаков Б.А. Обзор общих явлений русской истории IX – середины XIII века // Вопросы истории. 1962. №4.
10. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII – XIII вв. М., 1982.
11. Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь и варяги // Славяне и скандинавы. М., 1986.
12. Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1985.
13. Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1953.
14. Фроянов И.Я. Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов // Фроянов И.Я. Начала Русской истории. М.: Издательский Дом «Парад», 2001.
15. ПСРЛ. Т.9. Никоновская летопись. СПб., 1862.
16. Думин С.В., Турилов А.А. «Откуда есть пошла Русская земля» // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – XX вв. / Сост. С.В.Мироненко. М.: Политиздат, 1991.
17. ПСРЛ. Т.1. Лаврентьевская летопись. М.: «Языки русской культуры», 1997.
18. Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А.Мельниковой. М.: Логос, 2000.
19. Пресняков А.Е. Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М.: Наука, 1993.
20. Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI – IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М.: Наука, 1965.
21. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М.: Наука, 1991.
22. Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян (VI – X вв.). СПб.: Изд-во С-Петербургского ун-та, 1996.
23. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
24. Древнерусские княжеские уставы XI – XV вв. М., 1978.
25. Скрынников Р.Г. История Российская IX – XVII вв. М.: Изд-во «Весь Мир», 1997.
26. Вторая беседа Фотия «На нашествие россос» // Материалы по истории СССР для семинарских и практических занятий. М.: Высшая школа, 1985.
27. Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей / Изд. подг. Я.Н. Любарский. СПб.: Наука, С-Петербургское отд., 1992.
28. Дубов И.В. Города, величием сияющие. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1985.
29. Галкина Е.С., Кузьмин А.Г. Росский каганат и остров русов // Славяне и русь: проблемы и идеи: концепции, рожденные трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении / Сост. А.Г. Кузьмин. 4-е изд., испр. М.: Флинта; Наука, 2001.
30. Свердлов М.Б. От закона Русского к Русской Правде. М.: Юридическая литература, 1988.
31. Рапов О.М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. М.: Высшая школа, 1988.
32. История Средних веков / Сост. М.М.Стасюлевич. СПб.: Полигон-АСТ, 1999.
33. Дубов И.В. Славяне, финно-угры и скандинавы на верхней Волге // Дубов И.В. Залесский край. Эпоха раннего средневековья: Избранные труды. СПб.: Изд-во «Эго», 1999.